

Александра Николаевна
Прегель

Фотографии из семейного альбома

Надежда Винокур
(Чикаго)

Тот, кому интересны и близки судьбы русской эмиграции, не останется равнодушным к именам Александры Николаевны и Бориса Юльевича Прегель. Передо мной фотография, на которой изображены три человека. Мужчина в центре — Б.Ю.Прегель. Справа от него — его сестра — Софья Юльевна. Слева — жена Бориса Юльевича, Александра Нико-

лаевна Авксентьева-Прегель. Фотография сделана в конце 40-х годов в Нью-Йорке. В это время Борис Юльевич — уже известный, признанный миром ученый-физик, Александра Николаевна — художница, на счету которой около десяти персональных выставок, Софья Юльевна — поэт, основатель и издатель журнала "Новоселье", видная фигура в культурной жизни русского Парижа 20-х — 40-х годов.

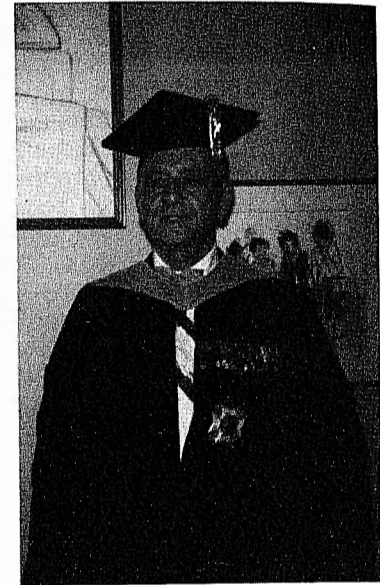
История этой супружеской пары начинается с 900-х годов нашего века. В ту пору в Европе, в университетах Франции, Швейцарии и Германии, учились многие российские евреи — те, кто не имел возможности поступить в русские университеты. Среди них была и Мария Тумаркина*, изучавшая философию в Берне и ставшая впоследствии одной из первых женщин, получивших степень доктора философии. К этому же кругу принадлежал и русский студент Николай Авксентьев, сын пензенского адвоката. Он имел значительный опыт революционной деятельности, за что был исключен из университета и выслан за границу. Впереди его ждала карьера политического и государственного деятеля; впоследствии Авксентьев играл важную роль в истории русского социал-демокра-

* О жизни М.С.Цетлиной (дев. фамилия Тумаркина) см. также в воспоминаниях ее дочери А.Цетлин-Доминик (ЕВКРЗ. Т.2) и в статье Ш.Шалит "С одним я народом скорблю..." в настоящей книге. (Ред.)

тического движения, занимал пост министра внутренних дел в правительстве А.Ф.Керенского. Когда разразилась революция 1905 года, Авксентьев и Мария Тумаркина оказались в России, где были тотчас арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Там молодые люди вступили в брак. Мария была освобождена через шесть месяцев, а Николай приговорен к ссылке в Сибирь. Мария собиралась последовать за мужем, но Авксентьеву удалось бежать, и супруги встретились за границей, в Финляндии. Там родилась их дочь Александра. Так появилась на свет Шурочка Авксентьева, ставшая впоследствии Александрой Николаевной Прегель. В 1909 году родители Шурочки разошлись, надолго сохранив теплые и дружеские отношения. Годом позже Мария Тумаркина вышла замуж за Михаила Цетлина.

Михаил Осипович был профессиональным литератором и издателем, автором стихотворных сборников, критических статей и историко-биографической прозы. Дом Цетлиных в Париже стал известен как литературно-политический салон, где устраивались поэтические чтения и бурно обсуждались мировые события и новости; открытый гостеприимный дом, в котором люди находили тепло, радушие и дружескую поддержку.

Шурочка Авксентьева, с детства увлекавшаяся рисованием, училась в Париже у Натальи Гончаровой, занималась в мастерской Василия Шухаева, закончила Высшую Национальную школу декоративного искусства (Ecole des arts décoratifs). В 1932 году она впервые участвовала в групповой выставке, где демонстрировались работы молодых парижских художников, через два года состоялась ее первая персональная выставка в галерее на Елисейских Полях.

Борис Юльевич Прегель —
почетный доктор Тулузского
университета. 1964 г.

В 1937 году молодая женщина познакомилась с Б.Ю.Прегелем. Встреча произошла в доме ее родителей, куда С.Ю.Прегель, дружившая с Цетлиными, привела брата. Вскоре они поженились.

Борис Прегель, старший сын в благополучной интеллигентной еврейской семье, родился в Одессе, где и прошло его детство. Любящие родители, гостеприимный, уютный дом, всегда полный людей, с веселыми и вкусными праздниками, домашними спектаклями; это был удивительный неповторимый быт. В книге "Мое детство"* сестра Бориса Софья Прегель рассказывает о жизни дома, где достаток сочетался с добротой и сердечным отношением к людям, а уважение к собственным корням и соблюдение еврейских традиций – с огромной любовью к русской культуре. В этом смысле устои семей Прегель и Цетлиных были схожи.

Бориса Прегеля (в книге сестры он назван Вовой) все окружающие с детства считали незаурядной личностью. Двойка по чистописанию была лишь неопровержимым доказательством будущей гениальной натуры, "способной заткнуть за пояс даже самого Ротшильда". Обладающий неукротимой энергией, неистощимый на выдумки, "самый знаменитый мальчик в доме" (как пишет С.Юл.), Борис был душой не только собственной семьи, но и многочисленных детских, а потом взрослых компаний. С малых лет он увлекался театром, ставил спектакли, издавал журнал, сочинял музыку. Первое свое сочинение – фантазию под названием "Скачка с препятствиям" – он написал в 12 лет. Он мечтал быть всем сразу: дирижером с капельмейстерской палочкой, актером в ролях первых любовников, инженером с перспективным будущим, редактором журнала. Ему хотелось все это совместить, и в большой мере Борису Юльевичу это удалось. Тот самый мальчик Вова из далекого одесского детства добился многого в своей жизни. Но главным его делом, его судьбой стала наука – атомная энергетика, в области которой он успешно и плодотворно работал всю жизнь.

Получив блестящее образование в университетах Бельгии, а затем в Петроградском университете, Борис Прегель после революции оказался в Париже. Там война и застала молодую пару.

Через организации Друзей Французской Республики и Французского Красного Креста Прегели помогали нуждаю-

щимся иностранцам в Париже. Бор.Юл. был связан с французским министерством военного оборудования, принимал участие в создании антифашистского комитета. И в годы войны, когда фашизм стал уже свершившимся фактом, Прегели попали в черный список гестапо. 9 июня 1940 года – в день вступления немецкой армии в столицу Франции – они вынуждены были срочно покинуть город. Наспех собраны два чемодана с самым необходимым; в парижской квартире остались работы Ал.Ник. – триста картин, впоследствии пропавшие после обыска, устроенного в доме. "По прибытии в Америку у меня не было даже кусочка бумаги с моими рисунками, я не могла даже никак доказать, что я художница", – писала А.Н.Прегель. Доказательством яркого живописного таланта и высокого профессионализма их автора стали появившиеся в самом скором времени 80 картин. А впереди были новые работы, новые выставки в залах и картинных галереях Нью-Йорка, успех.

Александра Николаевна обладала тонким вкусом, острым зрением и художественной интуицией. Более всего она любила писать натюрморты и пейзажи. Прелестны по настроению и колориту ее нью-йоркские работы: вид из окна квартиры, где жила художница, на печальный зимний город, на его серо-пепельные крыши и голые ветви деревьев; простые предметы – кувшин, фрукты на столике перед окном, выполненные в тех же мягких, неярких тонах, и как контраст – сочные радостные охапки цветов. "Она превращает обыденное в прекрасное", – заметил один из критиков*. В рецензиях на работы Ал.Ник. всегда говорилось о теплых тонах ее живописи, об отсутствии манерности, о гармонии чувств, краски и формы.

Я держу в руках рабочую тетрадь Александры Николаевны – свидетельство ее трепетного и благоговейного отношения к искусству. Это своеобразный творческий дневник, в котором раскрываются ее художественное "я", ее видение мира, ее представления и знания техники живописи. Подробнее всего Ал.Ник. пишет о том, что было так близко ей самой, – о живописи с натуры, о кажущейся легкости создания пейзажей и натюрмортов – в то время как умению смотреть и видеть надо долго и терпеливо учиться. Дневник содержит массу интереснейших наблюдений о соотношении красок и цветов в природе, о законах освещения и перспективы. Кроме того, он написан прекрасным выразительным языком.

* Софья Прегель. Мое детство. Т.1-3. Париж: "Новоселье", 1973.

* Нью-Йорк Таймс, 31 октября, 1943 г.

Ал.Ник., безусловно, была одарена не только художественно, но и литературно. С волнением вспоминает она день нападения фашистской Германии на Польшу – 2 сентября 1939 года, положивший начало второй мировой войне: “В это утро я, как всегда, пошла работать. В 12 часов в мастерскую врывается моя подруга с последним выпуском ‘Paris Midi’ и с криком ‘Польша атакована, и Франция объявляет войну Германии!’ Я быстро убрала свои вещи и вышла на улицу. Здесь ничего не изменилось, люди так же спокойно шли, как всегда ходили, солнце сияло, на минуту показалось, что этого не может быть, что это какая-то ошибка. Но тут же рядом взволнованный голос подруги говорил: ‘Ты прочла? Ты видишь? Что же будет?’ И вдруг стало совершенно ясно, что того, что было раньше – вчера и даже час тому назад, – больше никогда не будет, что произошло нечто совершенно непоправимое, что хотя внешне все еще то же, на самом деле эта жизнь, которую мы знали и любили, погибла навсегда...”

Углубившись в дневниковые записи Шурочки Прегель, я с большим интересом читала о людях, ее окружавших. “Почти от самого начала жизни человек впряжен в свою телегу”, – говорит Ал.Ник., вольно или невольно переключаясь с пушкинским стихотворением 1823 года “Телега жизни”. “Хоть тяжело подчас в ней бремя, телега на ходу легка...”, – пишет Пушкин, сопоставляя разный возраст человеческой жизни с утром, полуднем и вечером. Но эта легкость ощущается лишь с утра, лишь поначалу. В полдень дает себя чувствовать усталость, бремя становится тяжелее, а под вечер к ночи снова привыкаешь. Так и человек – продолжает Ал.Ник. – в течение многих лет тащит свою телегу, мечтая о том счастливом моменте, когда путь будет пройден, когда наступит свобода и появится право располагать своей жизнью (хотя понятие “свободы” часто бывает иллюзорным). Далекое не всем удается дойти до определенной цели и внутренне освободиться – это удел одиночек, удел полноценных людей, обладающих талантом, независимостью и твердостью убеждений. Подобным человеком был, по мнению Ал.Ник., ее муж. “Боря – редчайший человек, – пишет она. – Если бы можно было найти на всем этом свете еще хоть 10 таких людей, можно было бы создать необыкновенную организацию для проведения самых интересных идей. Но их нет – эту мечту надо оставить, Боря неповторим...”

Научная карьера Бориса Юльевича в Америке складывалась стремительно и успешно. Трудно перечислить все долж-

А. Прегель. Вид из окна. Нью-Йорк. 1948 г.

ности и посты как научного, так и общественного характера, которые занимал Б.Ю.Прегель. Президент Нью-Йоркской Академии наук с 1959 года, в 1966 году он был избран президентом Американского отдела Всемирной Академии искусств и наук и оставался на этом посту до своей кончины. Член бесконечных американских, канадских и европейских комиссий и комитетов, основатель и почетный представитель крупной фирмы “Конрад Хановиа Инк.”, декан Французского университета в Нью-Йорке, Борис Юльевич был автором внушительного количества научных трудов, посвященных использованию радиоактивной энергии в мирных целях: в сельском хозяйстве, промышленности, медицине.

Получив в 1949 году медаль Ассоциации врачей и инженеров Франции и Золотую медаль города Парижа, Прегель стал впоследствии кавалером многих почетных дипломов, медалей и орденов, в числе которых – офицерский крест Почетного Легиона и – очень редко кому присуждаемый – крест Ордена Мальтийских Рыцарей. О его научной и обществен-

ной деятельности подробно написано в 59-м томе "The National Encyclopedia of American Biography". Кроме того, его имя помещено в знаменитой американской энциклопедии "Who is Who" (14-е издание, 1978-79).

Среди документов архива Прегелей я нашла несколько фотографий: Борис Юльевич на заседании американского Географического общества, Прегель с женой на встрече участников Одесского землячества, Прегель в мантии и традиционном четырехугольном головном уборе в качестве почетного доктора Тулузского университета. Еще одна фотография: генерал Эйзенхауэр беседует с ученым Прегелем о политической ситуации во Франции на приеме, посвященном вручению медалей и дипломов Ассоциации врачей и инженеров Франции.

Трудно понять, как этого человека на все хватало, откуда бралось время на чтение, коллекционирование редких книг, картин, рукописей и орденов, на композицию. Музыка – это прежнее увлечение, давняя страсть – также не была забыта. Бор.Юл. прекрасно играл на рояле, пел; он автор многих камерных и фортепианных сочинений – вальсов, ноктюрнов, прелюдий и романсов на слова русских поэтов. Часть романсов написана на стихи его сестры – Софьи Прегель. Борису Юльевичу принадлежит Романтическая сюита для симфонического оркестра. Сюита была исполнена в концертном зале Карнеги-Холл и в Римской филармонии под управлением дирижера Альфонсо д'Артега. Там же, в Риме, состоялась премьера трехчасовой симфонии картины "Мой город", посвященной Одессе. Оба симфонических произведения были записаны на пластинку. Критики единодушно сходились на том, что музыке Прегеля присущ славянский характер и большинство его композиций написано под влиянием русской романтической школы.

Увлечение поэзией началось с детских лет. Борис сочинял тогда стихи "к случаю", на тему, для детских и семейных праздников. И хотя стихотворчество не стало основным занятием ученого и бизнесмена, поэзия сопровождала его всю жизнь. Стихи Бор.Юл. никогда не издавались, все они – в рукописях, написанные на тонких листах бумаги быстрым красивым почерком автора. Лейтмотив его лирики – воспоминания о прошлом, прощание с ним. Это грустные, легкие и музыкальные стихи, лирическим героем которых является сам автор. Вот он в Сан-Франциско, сидит "...в дешевом кабаке, меж тополей, / Аккордеон вздыхал в руках калеки, / И пел моряк о родине своей / И о любви, утерянной навеки. / И

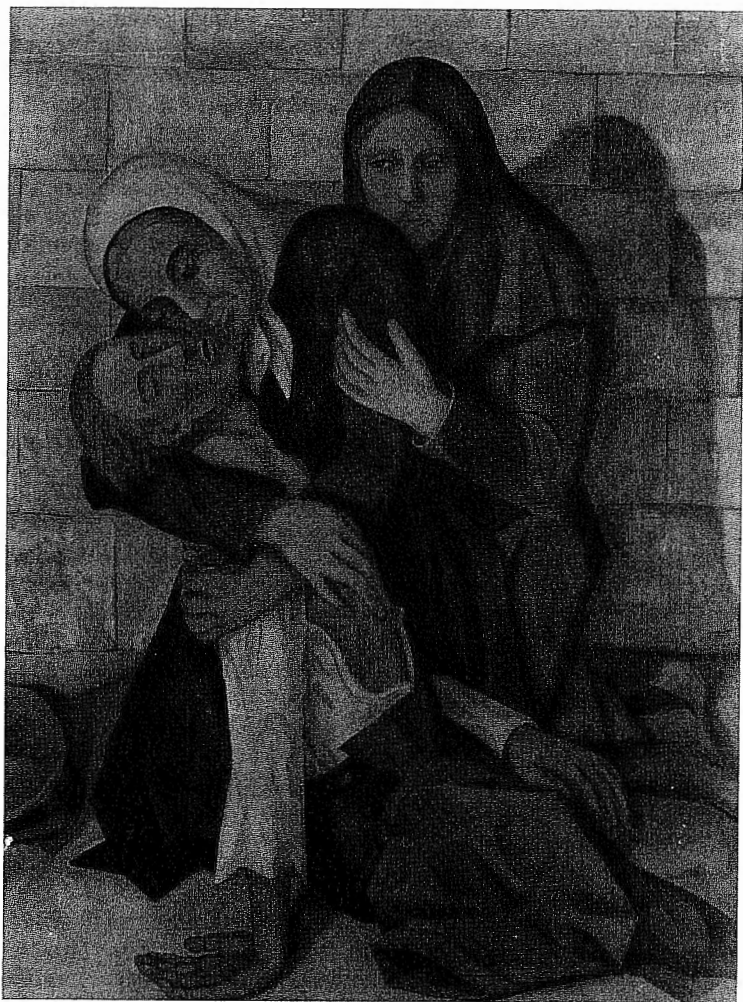
как в романсах юности моей / Вдруг стало все и ясно, и понятно, / Что прошлое умчалось безвозвратно, / А неизбежное стучится у дверей..."

Хотя судьба семьи Прегель и самого Бориса Юльевича сложилась в эмиграции счастливо – любимое дело и блестящая карьера, материальное благополучие и признание в мире, прекрасная семья и огромный дружеский круг, возможность "поговорить о прошлом" была чрезвычайно важна и дорога для него. И главное место в этой памяти занимает "лучший из южных городов" – Одесса: таинственная и упоительная, праздничная и легкомысленная, – город, где живут остроумные и общительные люди, любящие посмеяться, пошутить и посплетничать; где пахнет морем, сиренью и акацией. "Я родился в Одессе – волшебном городе, полном солнца, цветов, песен и веселья. Повсюду вы слышите пение: на фабриках, в театрах, городских парках и на берегу моря", – писал Прегель, вспоминая свои детские годы.

"Изъезжены моря, перейдены все реки, / И жизнь прошла. Остался от всего / Запечатленный в памяти навеки / Прозрачный воздух детства моего..." Образ Одессы постоянно присутствует и в юмористической поэзии Прегеля – в его эпиграммах, пародиях, застольных речах, юбилейных шутках и выступлениях на "капустниках". В Нью-Йорке, на берегах Гудзона, "старая Одесса еще живет, еще цветет, и каждый мнит в себе повесу и юность нежно бережет".

Снова вернемся к фотографиям из семейного альбома Прегелей. В апреле 1975 года в Иерусалиме проходила международная конференция организации Красного Креста "Ред Маген Давид", в которой Бор.Юл. занимал пост вице-президента. На одном из снимков – Прегель с президентом Израиля Эфраимом Кациром, на другой – с тогдашним мэром Иерусалима Тэдди Колеком.

Прегели были истинными патриотами Израиля. Их участие в жизни этой страны – гласное и анонимное – трудно переоценить. Желание протянуть руку помощи всегда было в традициях семей Прегель и Цетлиных. Целые страницы в записях Ал.Ник. пестрят цифрами – суммами, посланными нуждающимся родным и друзьям, перечнем отправленных в оккупированную Францию посылок с провизией, одеждой, лекарствами. Согласно завещанию супругов, после их смерти в музей Тель-Авива была передана собранная ими великолепная коллекция живописи, содержащая полотна русских и европейских мастеров. Среди них – шедевры Иванова, Курбе,

А. Прегель. Горе. 1942 г.

Утрилло, Модильяни, рисунки Гончаровой, Ларионова, Родена.

В жизни многих художников наступает момент, когда у них возникает потребность обратиться к Книге книг – Библии. Так случилось и с Александрой Николаевной. Ее иллю-

страции к Библии хранятся в архиве Иерусалимского университета. Работая над рисунками к Библии и обращаясь к первоисточнику, художница почувствовала необходимость заняться изучением иврита. Будучи человеком способным и восприимчивым к языкам, Ал. Ник. освоила иврит чрезвычайно быстро. Ее знание древнееврейского языка поразило одного из первых президентов Израиля – Залмана Шазара и он выразил свое восхищение тем, как свободно и грамотно Шурочка Авксентьева, дочь известного русского революционера, говорит на иврите. И еще одна работа Александры Николаевны говорит об ее интересе к своим еврейским корням – иллюстрации к пасхальной Агаде*.

16 февраля 1924 года в Париже И.А. Бунин произнес речь “Миссия русской эмиграции”**. В присущей ему взволнованной и страстной манере Бунин призывал всех уехавших из России не забывать о том, что побудило их покинуть родину, не терять своего несогласия с бесчеловечным режимом большевизма, воцарившимся в России. В этом постоянно длящемся протесте против “великого падения России”, в полном неприятии происходящего там писатель видел великую миссию русской эмиграции. Существует и другая сторона, которую можно было бы назвать созидательной, творческой, – необходимость писать, творить, по-прежнему служить великим идеям и традициям русской культуры. Но насколько же труднее было бы Бунину и его литературным коллегам, в большинстве случаев лишенным средств к существованию, осуществлять свою писательскую миссию, если бы не было таких людей, как Прегели, Цетлины, как Рахманинов, если бы не существовало материальной помощи с их стороны, организации пожертвований, устройства благотворительных вечеров и концертов в пользу нуждающихся деятелей русской культуры. И в этом состояла их благородная миссия. В архиве Прегелей находится книга А. Ремизова, украшенная его знаменитыми письменно-рисунками, которую больной, почти ослепший писатель подарил Борису Юльевичу в благодарность за постоянную поддержку.

Страницы семейного альбома закрыты. Александра Николаевна и Борис Юльевич встретились будучи уже зрелыми людьми, нашедшими свое место в жизни. Разные, с непохо-

* Haggada. The Passover Service, Illustrated by A. Pregel. Massadah - P. E. C. Press LTD.

** И.А. Бунин. Под серпом и молотом. Лондон, Канада. “Заря”, 1975. С.209-217.

жими характерами, они обогатили друг друга своим духовным миром, опытом, знаниями. Оба неизменно притягивали к себе окружающих: Александра Николаевна – обаянием, женственностью, мягкими и скромными манерами, Борис Юльевич – энергией, блеском, удивительным сочетанием разных дарований. Это был гармоничный и счастливый союз, счастливая семья, отличавшаяся истинной духовностью, высокой культурой, щедро делившаяся с людьми своим богатством: научным, артистическим и человеческим.

В одном из некрологов, опубликованных после смерти Б.Ю.Прегеля (он скончался в декабре 1976 года), было сказано главное: умер “известный ученый, бывший президент Нью-Йоркской Академии наук, автор многих научных работ, общественный деятель и филантроп. В его лице Зарубежье потеряло не только известного деятеля и ученого, но и человека, горячо преданного русской культуре... С ним ушел от нас один из немногих оставшихся в Зарубежье истинных представителей русской культуры”*. В июне 1977 года во Всемирной Академии наук, где Бор.Юл. ранее занимал пост председателя, был установлен его мраморный бюст, а через год состоялась еще одна торжественная церемония в Нью-Йоркской Академии наук. В память о покойном его друзья и коллеги преподнесли Академии живописный портрет Бориса Юльевича, написанный русским художником-эмигрантом. Александры Николаевны не стало в июне 1984 года. Ее работы находятся в музеях Нью-Йорка, Праги, Иерусалима, во многих частных собраниях. Сохраним же и мы эти имена в нашей благодарной памяти.

* Современник. 1977, N33-34.

Париж. 1942 г.

Великая галерейщица

Валентин Воробьев
(Париж)

Торговля искусством, веками служившая предметом развлечения и наживы сильного пола, обрела новый, ослепительный блеск с появлением Дины Верни, женщины библейской красоты, невиданной храбрости и пронизательного ума.

20 января 1955 года, в чрезвычайно торжественной обстановке, в присутствии президента Франции и “всего Парижа”, состоялся ее триумф, связанный с открытием Музея изобразительных искусств имени Аристиды Майоля, созданию которого посвятила всю свою жизнь парижская галерейщица.

Дина родилась в Одессе в 1917 году в семье музыканта Ефима Эйбиндера, симпатизировавшего меньшевикам.

Одесса 20-х годов походила на большой вшивый рынок, где вчерашние победители “Антанты” и Белой армии скупали валютные ценности, торговали фальшивыми паспортами и создавали эфемерные тресты типа “Рога и копыта” попеременно с постоянными облавами, судами, расстрелами и высылкой за границу.

В семейном архиве Дины Верни нет телеграммы, подписанной товарищем Лениным, но красочная легенда об освобождении Ефима Эйбиндера из тюрьмы, очевидно, возникла на основании Указа СНК от 6 февраля 1922 года с пометкой Первого вождя – “произвести серьезные умягчения”.

Ленинские “умягчения” коснулись и многих одесских социалистов, вместо Сибири высланных за границу. Вождей русского социализма – Юлия Мартова (основателя РСДРП и с Лениным на “ты”), Михаила Скобелева, Ираклия Церетели